

Светлана Матвеева

Оккупация Одессы

Детские воспоминания

Мы переехали в дом на Гаванной улице в начале осени 1941 года. Из дома многие эвакуировались, мы поселились в подвале, во втором дворе. До войны в нем никто не жил, здесь была мастерская. Когда мы заняли это помещение, в окнах не было стекол, а только решетка. В дверях же вверху было стекло.

В комнате, в углу, стояла плита, которую можно было топить. Ни дров, ни угля, конечно, не было. Но это было не страшно: многие дома были разрушены – там можно было собирать щепки. В комнате стояла большая металлическая кровать, две табуретки и не очень целый одинарный гардероб. В шкафу ничего не было, мама была очень рада, что нет чужих вещей. А самое главное для меня – под окном стоял сундук, довольно-таки большой. Когда мы его открыли, в нем оказались игрушки. Потом нам рассказала дворник тетя Маруся, что когда эвакуировались жильцы дома, они ссыпали в этот сундук детские игрушки. Там были небольшие куклы и игрушечная мебель. Мне до сих пор помнится набор: диван с валиками по бокам, с зеркалом в спинке, обитый красным материалом в цветах, гардероб одинарный с большим зеркалом в дверях, несколько мягких стульев и овальный столик. А еще был набор игрушечной эмалированной посуды, зеленой в белую крапинку, и еще много других игрушек. Многие игрушки у меня оставались и после оккупации, но никто никогда за ними не приходил, хотя мы жили в доме по 1955 год...

Когда мы уходили из дома, где жили до войны, мама взяла немного вещей, в основном, мои, няня взяла свою корзину – плетеную с крышкой, заполненную вещами. Когда мы поселились в подвале, вскоре в Одессу пришли фашисты. Мама решила

поехать на Пересыпь в нашу квартиру на нефтебазе № 5 за вещами. Но это было практически невозможно, так как когда отходили наши войска, была взорвана дамба, после чего Пересыпь оказалась затопленной. Мама попросила одного из жильцов на Гаванной поехать с нею. И я тоже поехала, мама во время оккупации всегда брала меня с собой.

Этого человека, который поехал с нами, звали Иван Иванович Гертнер. До войны он работал на заводе вальцовщиком, в начале оккупации не работал. Я помню, мы пошли под Пересыпский мост, еще немного прошли, а потом наняли плот (многие люди сдавали плавсредства – лодки, плоты, корыта, лоханки).

Мы поплыли на Второй Лиманчик, к зданию нефтебазы № 5, находившемуся вблизи электростанции – слева, за улицей Бондарева, за железной дорогой. Подплыли к зданию с правой стороны, где располагались окна нашей квартиры. Мама с 1933 г. работала инспектором по качеству нефтепродуктов на нефтебазе № 2. Когда я родилась (28 марта 1937 г.), ей дали в доме правления нефтебазы № 5 квартиру – комнату с кухней на первом этаже.

Когда мы подплыли к окнам, то увидели, что в комнате какой-то мужчина собирает наши вещи. Мама его спросила, что он здесь делает. Он ответил (я этот ответ хорошо помню): «А ты чего пришла? Ты коммунистка, тебя через несколько дней расстреляют. Тебе ничего не надо». Он взял швейную машинку, которая стояла на шкафу (в комнате по подоконник стояла вода). Остальные вещи оставил, вылез через окно кухни и уплыл. По всей комнате плавали разорванные фотографии. Мама и я оставались на плоту, Иван Иванович влез через окно, снял со шкафа перину, подушку, вынул некоторые другие вещи с верхних полок шкафа – альбом с фотографиями и что-то еще. Так у нас осталось несколько старых фотографий... Больше мы туда не ездили, да и незачем было. Когда мы добирались назад, я видела столбы виселиц на Московской улице, но повешенных уже не было.

Мы прожили в подвале всю осень, наступила зима. Мама каждый день уходила утром на трудовую повинность, меня закрывала на замок. Я просыпалась, вставала попозже и сидела на окне. Ко мне приходили мальчишки со двора, девчонок не помню (если они были, их не выпускали во двор). Начались морозы, и ребята

приносили мне воду (во дворе был кран). Мальчишки в квартиру приносили немного снега, и мы устраивали в комнате каток. Конечно, мама ругала меня, но потом застеклили окно, и моя «лафа» с катком закончилась.

Утром, когда мама уходила, она мне оставляла кусок хлеба или мамалыги. Над нами на первом этаже жила семья Пасечных. Евдокия Пасечная была домохозяйкой, дочь Елена – студентка мединститута. Так вот тетя Евдокия, я не помню ее отчество, каждое утро приносила мне в окно теплый чай или суп, мама ее об этом не просила. Я узнала об этом уже после войны. Иногда кто-то еще что-нибудь приносил, а потом приходила мама и что-либо варила. Моя няня сначала с нами не жила, не было возможности. Но потом она долго жила с нами. Эта старушка была из города Аккермана – Елена Савельевна Балихова, 1863 г. р. Няня гуляла со мной во дворе.

У нас во дворе жил Женя Ревелиоти (итальянец), его мать Лидия Ивановна Ревелиоти. Это была молодая очень красивая украинка. Она работала домработницей и целый день была на работе. Женя бегал с нами во дворе, но из дома никуда не уходил. Из нашего двора нельзя было выйти, так как во втором дворе был гараж, в котором стояли машины городской управы. Здесь возле первого подъезда стоял охранник. Часто тетя Лида задерживалась на работе, приходила поздно, и моя мама забирала Женю к нам домой.

Я вообще была непослушная девчонка, особенно любила прятаться от няни во дворе по подвалам и в парадных. И вот однажды я спряталась так, что переполошила весь двор. Толик Негрескул меня научил прятаться в парадном на черном ходу, рядом с нашим сараем и подвалом. Когда няня отвлеклась, я зашла в парадную, поднялась на самый верх, на третий этаж и выше, но дверь на чердак была на замке. Я села на лестнице и стала рассматривать все вокруг. Когда люди уезжали в эвакуацию, то побросали тут всякий хлам. Здесь стояла плетеная корзина с какими-то тряпками, в ней была кошка с котятами. На втором этаже лежал матрац и подушки. Туда я побросала котят. (Слава Богу, там было мягко. и с ними ничего не случилось.) Потом решила туда же бросить кошку, но она меня поцарапала и убежала. Я по-

плакала, а потом стала смотреть во двор, где бегали ребятишки и ходили рабочие-шофера.

Толик Негрескул уже и забыл, что научил меня прятаться на черном ходу. Вдруг вышла Елена Савельевна и позвала меня кушать, – значит, скоро придет мама (она днем всегда приходила, а потом снова уходила на работу), но я не сошла вниз, мне было интересно, как меня ищут. Сначала это было интересно и смешно. Потом я увидела, что пришла мама и тоже стала меня искать. Тогда мне стало страшно, я знала, что она меня отшлепает, но все же не сходила. Меня долго искали, собрались соседи. Маме надо было уходить, но она не ушла, а с соседями искала меня.

Наш дом, где был подвал, выходил на второй двор и располагался в плане буквой «Г». Напротив окна был балкон дома, где сидела соседка, Анна Никифоровна Васюченко, и вязала. Как все пожилые люди, далеко видела и, заметив меня в окне, крикнула моей маме: «Аня, вон твоя Светка сидит возле чердака, на черном ходу». Вижу, мама берет веревку и идет ко мне. А в это время начальник гаража ругал часового и говорил, что его посадят за то, что он меня послал... к партизанам. Я, конечно, стала потихоньку спускаться, а мама поднялась и отлупила меня веревкой. Это было не больно, хуже было то, что мама насыпала фасоли внизу в подвале и поставила меня на колени, а ребятишки стояли сверху и смеялись. Меня ругала наша дворник тетя Маруся Богомаз. Меня все ругали за то, что я сделала. С тех пор я уже меньше пряталась.

Но летом тоже сотворила глупость. Так как у меня было много игрушек, я их выносила во двор играть со всеми. Однажды в день Пасхи в 1943 г. я играла во дворе напротив подвала возле крыльца Толика (это было через подъезд). Я заглянула в подъезд, увидела у ворот машину и решила, что успею перебежать. Побежала, а шофер не успел остановить, и крылом машины ударил меня, хотя и тормозил, я упала и ударилась о камни, которыми был вымощен двор. Мама была дома, меня сразу забрала в комнату. У меня было сотрясение мозга и синяк на бедре. Но самое ужасное, что ни один врач не мог ко мне прийти, так как румыны запрещали работать в день Пасхи. Мама пошла в управу, и ей дали

разрешение, чтобы ко мне мог прийти врач. Слава Богу, все прошло благополучно и почти без последствий.

К нам приходила соседка Нина Кравченко, мне она очень нравилась. Приходила она вечерами. До войны окончила железнодорожный техникум, но не работала ни одного дня по специальности, так как город был оккупирован. Однажды мы втроем (мама, Нина и я) пошли пешком на Куяльник, трамвай 20-й не ходил. Тогда на Слободку, Куяльник, Хаджибей надо было ходить, имея при себе паспорт. У мамы паспорт с собой был, а Нина почему-то не взяла. Мы дошли уже до нефтебазы № 1, это за заводом Шполянского (проволочный завод), когда нас остановили два постовых румына и потребовали паспорта. Как мама ни просила нас пропустить, румыны сказали, что отведут нас в комендатуру. Тогда она оставила меня с Ниной, а сама пошла домой и принесла Нинин паспорт. Нас пропустили, и мы пошли к нашим знакомым Бабичевым, которые жили под Поповской горкой.

Их родственники и сейчас там живут. Я очень любила ходить в этот дом (сейчас это улица Известковая). Там была большая семья: бабушка с бабушкой, две дочери и сын с невесткой. У одной из дочерей сын и муж были на фронте, они погибли. Муж Дуси не был на фронте, он болел. Они называли бабушку мамой, а тетю Варю и тетю Дусю тоже называли мамой. Поэтому я эту семью называла «Где много мам». Говорила, когда хотела туда пойти. Уже в 80-е годы я ходила к ним со своей дочкой, хотя уже не было бабушки с дедушкой, а тетя Варя жила на Слободке возле Слободского кладбища.

Нина Кравченко жила с мужем в нашем доме в квартире № 1, была домработницей у немки, которая жила в этом же доме. Эта немка где-то работала и каждое утро уходила. Я к Нине приходила днем, и она мне давала чай и хлеб с маслом, посыпанный сахаром. Еще мама дружила с Ольгой Сарачан. Мужа призвали в армию, она оставалась в Одессе. Жила в квартире № 27, занимала одну комнату, ходила со второго подъезда, с парадного хода. В эту квартиру часто приходил Константин Николаевич Кремлянский, инвалид. Работал он до войны в пароходстве кочегаром, не эвакуировался. Он был дальний родственник моей няни, поэтому мы и пришли в этот дом.

Дядя Костя меня учил английским, советским и морским песням, а также говорить по-английски.

Однажды днем, когда пришел дядя Костя, мама взяла меня, и мы пошли на улицу. Возле ворот стояла пролетка, и в ней сидел мужчина, не очень пожилой, я его никогда не видела раньше. Мы все трое сели в пролетку, и кучер поехал не очень быстро на Дерибасовскую, а по ней до Преображенской мимо Соборной площади. Там стояло несколько пролеток и бричек. Во время войны этот транспорт там всегда стоял, люди нанимали и ехали куда надо. Мы проехали мимо, свернули влево, а затем направо, и поехали по Коблевской улице. На середине квартала мы остановились у ворот. Дядя Костя соскочил с пролетки и пошел в подъезд. Не прошло и пару минут, как он выбежал из подъезда и что-то крикнул кучеру. Тот быстро поехал, все время погоняя лошадь. Мужчина, который сидел напротив нас, очень побледнел. Мы ехали очень долго, оказались за городом и вскоре приехали к деду Покидо, он жил по дороге на Хаджибеевский лиман. Я, конечно, тоже испугалась, но ни у кого ничего не спрашивала, меня мама уже к этому приучила, ни о чем не расспрашивать и ничего никому не говорить. После этого случая я больше не видела дядю Костю. Через несколько дней я спросила маму о нем, и она сказала, что он умер. Был у знакомых на вечеринке и отравился какой-то едой. Больше я о нем не слыхала. После войны я видела возле этих ворот на Коблевской на стене мемориальную доску, на которой было написано, что здесь была явочная квартира Молодцова-Бадаева, и все погибли в 1942 году.

Мне мама ничего не рассказывала даже тогда, когда я была взрослая. В 1942 году мама ходила каждую неделю отмечаться в комендатуру – это было в Красном переулке угол Греческой. Во дворе слева была парадная, в середине коридора стояли стулья и сидели люди, часто было несколько человек. В комендатуре мы часто видели парня лет 17-18, его звали Жора, он жил на Гоголя у своей бабушки. Я его там часто видела – в конце, в парадной справа, на первом этаже. После войны мама мне рассказала, что он приносил листовки, но где он их брал, я не знаю. После войны он считался членом какой-то подпольной группы. Мама

потом мне рассказала, что кто-то выдал ее румынам, что она член партии. Она предполагала, что это тот человек, который ее видел тогда возле окна квартиры с Иваном Ивановичем, потому что во дворе нас никто не знал, не знали, где мы жили до войны, и где работала мама.

Как-то к нам вечером пришла румынская полиция – и маму забрали. На следующий день няня закрыла меня на замок, а сама куда-то ушла. Еще через день маму привезли на бричке. У нее была разбита сзади голова и сильно покалечена правая нога. Мама долго лежала в постели на животе, несколько раз к нам приходил врач. Но мне ничего не говорили – «молчи, маму вечером побили». После войны, когда я была взрослая, мама мне сказала, что ее забрали в сигуранцу за то, что она была коммунисткой. А няня на другой день ее выкупила у полицейав. Больше ничего не рассказывала.

В этой же парадной на втором этаже занимали две комнаты в коммунальной квартире румыны, Аида-Мария Бродецкий, 1913 года рождения из Браилова. В Одессе с 1941 года румын, глава семьи, офицер строительного батальона, служил в городской комендантуре. У них была дочь Марианна, 1941 года рождения, крещенная в июле того же 1941 года в Одессе. Его жена – очень красивая блондинка (как я теперь понимаю, крашеная) с модной высокой прической, никогда не выходила на улицу. Марианна часто играла на балконе или гуляла с отцом на улице. Моя мама у них работала домработницей, только вечером ходила для них за обедом. Столовая находилась на Софиевской улице в доме военной комендантуры, во дворе направо. Мама всегда меня брала с собой. Окно выдачи было высоко, и я не видела, кто выдавал еду, но всегда для меня давали белую булку. Я ее съедала по дороге. После войны, уже в шестидесятых годах, мама мне рассказала, что жена Бродецкого – еврейка из Румынии. В доме жило много поляков, в основном, пожилых, и мы, дети, почему-то их называли «пшенжи пани».

Самым значительным жильцом для нас, детей, была семья Примикирио.

Мария Александровна Примикирио – учительница школы № 101 на Б. Арнаутской и школы № 72 на Садовой, преподавала

математику, а после оккупации работала учителем в школе № 70 на Канатной улице.

Панаиоти Примикирио было 33 года. В четыре года он заболел менингитом, получил тяжелое осложнение. Он был умственно неполноценный, к тому же у него была слоновая болезнь – большая толстая нога и большой нос. Он был добрый и никогда никого не трогал и не обижал, а только кричал на тех, что его дразнил. Нам, детям, было с ним интересно, он катал нас летом на большой тачке на улице, а зимой мы связывали сани в «поезд», и он возил нас по кварталам. Он помогал взрослым, приносил воду, когда ее не было в кранах, ему спокойно оставляли ключи от квартиры, а также просили посмотреть за детьми, если ненадолго уходили. Дома он ничего не мог делать по хозяйству, за ним ухаживали родные. Когда пришли фашисты, они хотели его расстрелять, считали, что он партизан и прикидывается больным, но потом родные предъявили документы.

В доме № 3 во время войны евреи не жили. Те, что жили до войны, уехали в эвакуацию.

Когда бомбили Одессу в начале войны, мы с мамой выходили во двор и стояли в парадной. Было страшно, особенно, когда свистели бомбы. Когда летели и гудели бомбовозы, мы слушали и определяли, куда они летят и где сбросили бомбы. Потом бомбежки прекратились, а начались перед самым концом оккупации.

Румыны во дворе что-то передельвали. Зимой 1943 года Васюченко переселили в квартиру в первый двор, а нас – в их квартиру на третий этаж. Мы занимали только кухню и маленькую комнату, в остальных комнатах я играла с мальчишками днем в «жмурки» и «сало». Зимой всю квартиру отапливать было нечем.

Однажды в 1943 году мы вышли днем на улицу и увидели очень неприятное событие: по Гаванной от Ланжероновской к Малому переулку вели матроса – он был весь в крови, тельняшка была порвана и окровавлена. На ногах – какая-то обувь, в морских брюках. Самое ужасное то, что его вели четверо фашистов: двое впереди и двое сзади с автоматами, а слева и справа – двое с овчарками. Мы долго смотрели вслед, его повели в Малый переулок. Кто-то из мальчишек сказал: «Вот как боятся наших моряков!».

Однажды мы с мамой пошли на Новый базар, когда шли уже по Баранова, кто-то крикнул: «Облава!». Все люди стали прятаться в парадные и во дворы. Мама схватила меня за руку, и мы забежали в парадную. Румыны хватали людей и впихивали в грузовик, который стоял под корпусом Нового базара.

Иногда я с мамой ходила на Куликовое поле, помню, было холодно, не было листьев на деревьях. Мы туда ходили несколько раз, я это хорошо запомнила, на скамейке сидел мужчина средних лет в фуфайке и в теплой ушанке. Он всегда давал мне 2-3 конфеты в бумажках, я бежала на другую скамейку и там сидела, пока не вставала мама. Это было недолго, несколько минут, я подходила к маме, и мы шли к мосту, переходили на другую сторону железной дороги. Мне мама заранее говорила, как себя вести, и ничего больше. Когда я повзрослела, как-то спросила ее об этом, но она мне ответила, что ничего такого не помнит.

Как-то в 1943 году мама поехала со своей довоенной подругой тетей Марусей Полищук в село менять вещи на продукты, а меня оставила у тети Тони-молочницы, которая жила на улице Бондарева на Пересыпи. Это в квартале между садиком сахарного завода и электростанцией. Мы у нее часто бывали, до войны мама покупала у нее молоко. У тети Тони был муж, они обрабатывали большой огород в собственном доме, держали много кур, корову и свиней. По этому кварталу улица выходила к железной дороге. И вот в этот месяц ежедневно к четырем часам дня проходил товарный поезд. Это был не товарняк, а телячьи вагоны, в которых везли наших пленных. И каждый день состав останавливался как раз напротив домов по Бондарева. Люди к этому времени готовили вареную пищу, а также самогон, и передавали в вагоны. Чтобы часовые в тамбурах разрешали давать еду пленным, им несли яйца, курицу и обязательно бутылку самогона. Людей не было видно, из маленьких окошек вверху спускали на веревках банки, котелки, фляжки, которые мы, дети, наполняли едой. Взрослые заранее выносили казаны и кастрюли с едой к железной дороге. Потом мама мне говорила, что люди клали в посуду оружие, но я не видала. А вот как несли продукты и бутылки часовым, это мы все видели. Так продолжалось месяца два, но потом поезда стали останавливаться намного ближе к Пересыпскому мосту, и уже

не разрешали передавать еду пленным, поезд стал приходить ночью. Я знаю, что ходили туда взрослые и мальчишки постарше, одного мальчика из соседнего двора убили. Через некоторое время этот поезд проходил без остановки.

Мама с тетей Марусей приехала из села и меня забрала домой. Но мы часто ходили к тете Тоне.

Мы жили на Гаванной улице в № 3, а рядом в пятом номере румыны открыли костел. Там служили два католических священника Петр Лиони – итальянец, и Морис Николаи – француз. В 1941-1942 гг. они были капелланами в румынской армии, а в 1942 году их прислали служить в костел Петра.

Рядом с костелом в начале войны находилась больница, куда попала бомба, в результате из парадного входа в костел выпала цветная мозаичная картина «Петр с ключом». Она не рассыпалась, а упала на ступени входа и долго лежала, пока Петр Лиони не взялся ее восстанавливать. Небольшая часть мозаики в углу немного рассыпалась, квадратики лежали на ступенях.

Мы, детвора, часто бегали в костел. Однажды отец Петр позвал нас и попросил помочь ему собирать эти квадратики. С тех пор мы стали ходить в костел. Когда мозаичное панно было восстановлено, отец Лиони предложил нам каждый день приходить в костел. Мы приходили утром, нам надевали поверх одежды белые балахончики, и мы помогали. Раскладывали небольшие подушечки на первой ступеньке перед алтарем. Когда начиналась служба, становились на колени на эти подушечки и пели польские молитвы. Этому нас научил отец Лиони и француженка, которую мы очень уважали. Она была пожилая, очень красиво одевалась во все темное, всегда ходила в туфлях на высоких каблуках. Уже после войны, когда я повзрослела, узнала, что она жила на Канатной улице, № 19, и когда-то участвовала в событиях, связанных с Парижской коммуной.

Утром мальчики с помощником священника подходили к алтарю, на подносе выносили колокольчик и нужные книги.

Когда начиналась служба, на клиросе женщина играла на фисгармонии, и несколько человек, взрослых, там же, наверху, пели. Мы не были католиками, но православная церковь находилась далеко, поэтому родные разрешали нам ходить в костел.

Сюда приходили католики, которых в Одессе было очень много. Я приходила с няней. Там я познакомилась с семьей Жемчужных: Клавдией – матерью девочки Лели. Девочке было лет пятнадцать. Они были тоже православные. С этими людьми я дружила до 1997 года.

После службы все уходили, а мы, дети, собирали подушки, мальчики помогали заносить кое-что в алтарь. Мы садились на первой скамье справа. К нам приходила француженка (я не помню ее имени) и разговаривала с нами по-французски, все объясняя. Учила с нами новые польские молитвы. Потом приходил отец Лиони, приносил небольшой столик и стул. Ему из алтаря дьякон приносил большую книгу – Библию, в которой были иллюстрации Доре. Отец Лиони рассказывал об этих иконах по-русски (он хорошо говорил по-русски). Когда занятия заканчивались, мы читали молитву и нас через двор вели на кухню, которая находилась за костелом на первом этаже справа. Нас кормили хорошим обедом, приходил отец Николаи, перед трапезой читал молитву на польском языке и уходил, потом читал молитву отец Лиони, мы обедали, читали молитву и уходили домой. Как-то в самом начале в костел пришел отец Николаи и надел нам на шею на простой цепочке иконки, как мы говорили между собой, «Матка Бозька». В нашем доме жили несколько семей поляков, но мы тогда это не очень знали.

В начале весны все говорили, что скоро придут наши Красные войска, и скоро будут разбиты фашистские войска. В конце февраля ушли румыны, пришли немцы – было очень страшно: они были злые. Везде стали копать какие-то канавы, нас не выпускали во двор гулять. Часто горели дома, взрывались мины и снаряды. Однажды ночью был сильный взрыв, даже в некоторых окнах повывлетали стекла. Мама взяла меня на руки, и мы вышли на лестницу (мы еще жили в квартире Васюченко на третьем этаже). Это был черный ход с узкой железной лестницей. Когда я посмотрела в окно, то увидела большие языки пламени. Мама сказала, что это горит школа Столярского. Через минут десять после того, как мы вышли, раздался сильный удар и гул. Мама объяснила, что это упало пианино, что прогорел пол на втором этаже. Там

во время оккупации в помещении школы Столярского была консерватория.

Утром 10 апреля мы с мальчишками побежали смотреть пожар, но нас близко не пускали, издали было видно, как вытаскивали пианино и рояли. Еще на Гоголя дымился дом, около первой музыкальной школы. По улицам ходили военные, проверяли дома и писали трафаретом красной краской, что дом проверен и мин нет. Немцы минировали многие дома, также минировали люки с телефонными кабелями.

10 апреля утро было спокойное. Я просилась выйти на улицу. Когда я вышла, было очень тихо, нигде никого не было. Вдруг из Малого переулка выехал на лошади красноармеец в фуражке с околышем. Это был первый красноармеец, которого я увидела. Потом в нашей квартире несколько дней жили военные девушки, они спали на полу, угощали нас консервами и пели военные песни.

Так для меня закончилась оккупация Одессы.

